

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

УДК 316.6

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА И СПОСОБОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДРУГОГО У СОВРЕМЕННОГО РЕБЕНКА

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, rjaguzova@yandex.ru

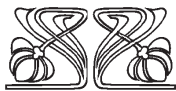
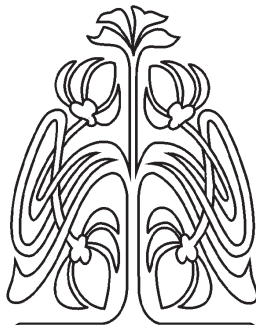
Реализован сетевой подход к анализу картины мира человека и описаны ее основные характеристики (многокомпонентность, отсутствие устойчивого ядра, самоорганизованность, нелинейность, синергетичность связей, полидетерминированность). Проведен теоретический анализ некоторых ядерных образований картины мира: «мы – они», основанное на внешнем отличии двух групп и внутреннем уподоблении их представителей друг другу; «свой – чужой», маркирующее взаимное восприятие и взаимную оценку людей относительно друг друга; «я – другой», выступающее онтологической константой человеческого бытия; «добро – зло» как этико-смысловая база, сконструированная обществом, требующим от каждого своего представителя постоянной ответственной работы по ее пониманию и интерпретации; «жизнь – смерть», связанное с принятием онтологической достоверности смерти и ответственным отношением к проживанию жизни. Утверждается, что все перечисленные конструкты выступают в виде знаковых архетипов, репрезентируют общую систему универсальных значений и онтологических смыслов личности и регулируют ее отношения с миром, самим собой и Другими. Констатируется, что изменение социальной ситуации развития современного ребенка, детерминированное разноуровневыми факторами, связано с трансформациями ядерных компонентов картины мира и связей между ними, а также способов категоризации Другого, приводящим к дегуманизации отношений ребенка с Другими, ослаблению Я и танатизации детского сознания.

Ключевые слова: сетевая парадигма, картина мира, ядерные образования, знаковые архетипы, категоризация Другого.

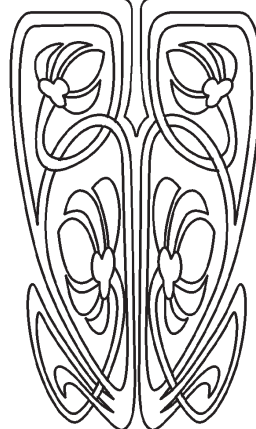
DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237

Введение

Картина мира – целостная, многоуровневая совокупность представлений человека о мире и мироустройстве, других людях, отношениях между ними и с ними, о себе и своей деятельности. Она позволяет человеку ориентироваться в мире и адекватно функционировать в нем, задавая своеобразную оптику видения окружающей действительности и специфическую систему этико-смысловых координат, выступая фундаментальным условием психической жизни человека (А. Н. Леонтьев, В. П. Зинченко, С. Д. Смирнов, В. В. Петухов, Е. Ю. Артемьева, В. С. Мухина). Конструирование личностью картины мира является способом познания, осмысления и упорядочивания природного, социального и духовного миров, а сама картина мира представляет собой внутреннюю модель внешнего мира, созданную на языке усвоенных социокультурных правил,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

норм и ценностей, сформированных личностных конструктов, а также субъективного опыта и переживаний личности.

Происходящие в современном мире перемены, касающиеся информатизации и компьютеризации жизни, сжимания пространства и ускорения времени, интенсификации всех процессов жизнедеятельности неизбежно приводят к изменениям социальной ситуации развития ребенка и трансформации картины мира как интегральной системы значений, репрезентирующей его в сознании субъекта. Бесспорно, что эти изменения усиливаются возросшей гетерохронностью (разновременностью) и диахронностью (разнонаправленностью) детского развития, связанной с фасилитацией и амплификацией одних процессов и торможением и ослаблением других.

Психологический анализ происходящих трансформаций отдельных компонентов картины мира и связей между ними сможет, на наш взгляд, объяснить некоторые причины и истоки тех негативных явлений, которые имеют место в детской и подростковой среде в настоящее время. Мы имеем в виду, прежде всего, «эпидемию» детских суицидов, «игры со смертью», компьютерную аддикцию и уход в виртуальную реальность, проявления жестокости и насилия, изощренный буллинг и «школьный террор». Все перечисленные явления представляют собой детские по локализации на шкале онтогенетического развития личности и не детские по форме и содержанию акты агрессии, направленные на мир, себя, Другого.

Цель данной статьи – теоретическая рефлексия картины мира человека с позиций сетевого подхода, анализ некоторых ее ядерных образований, представляющих собой оценочные знаковые архетипы: «они – мы», «свой – чужой», «я – другой», «добро – зло», «жизнь – смерть» и определение их роли в трансформации способов категоризации Другого у современных детей.

Картина мира с позиций сетевого подхода

Охарактеризуем картину мира человека как сложное, целостное, динамично развивающееся, открытое образование с позиций сетевой парадигмы. Сетевой подход в психологии «пока только заявлен» [1, с. 21], однако, по мнению М. С. Гусельцевой, именно «сетевая методология на сегодняшний день позволяет связать между собой различные ракурсы анализа и уровни феноменологических реальностей» [2, с. 33].

Истоки сетевой парадигмы в гуманитарном знании и сетевую логику анализа можно обнаружить в социометрии Дж. Морено [3], теории коммуникации Г. Бейтсона [4], описаниях сетевого общества Н. Лумана [5] и М. Кастельса [6], анализе интеллектуальных сетей Р. Коллинза [7].

Ключевыми положениями сетевого подхода выступают следующие: 1) сеть представляет собой многоканальную структуру, в которой две точки связываются множеством магистралей, а каждая из них состоит из большого количества отрезков и путей; 2) сеть репрезентируется различными компонентами, узлами, а также синергетическими взаимодействиями между ними; 3) сетевая организация не имеет строго фиксированного центра, любой узел в той или иной ситуации может стать активным центром; 4) сеть не предполагает строгой иерархичности, соподчиненности уровней ее организации, хотя и не исключает наличие самих уровней, каждый из которых имеет существенное самостоятельное значение для функционирования сети; 5) сеть – открытая нелинейная система, обладающая многообразием обратных связей и проницаемыми границами, допускающая новации и трансформации без утраты общего баланса благодаря процессам самоорганизации, происходящим в ней.

Целостность, устойчивость и непротиворечивость картины мира человека обеспечивается тем, что ее структура имеет сетевую организацию, состоящую из упорядоченных частей, узлов, ядерных образований. Как считает В. В. Петухов, именно ядерные образования выступают в виде «фундаментальных опор существования человека в качестве сознательного существа, отражают его действительные связи с миром и не зависят от рефлексии по их поводу» [8, с. 14]. Указанные образования структурируют и упорядочивают чувственные образы, переводя «чувственную ткань сознания в значения» (А. Н. Леонтьеву). Они формируются на разных этапах онтогенеза, взаимодействуют друг с другом и репрезентируют общую систему универсальных значений и онтологических смыслов личности.

Аналогичную идею высказывает Г. Бейтсон, полагая, что у человека имеются эпистемологические и онтологические предпосылки, представляющие собой привычные для него предположения, которые имплицитно встроены в отношения между человеком и средой. Эпистемологические предпосылки вне зависимости от их истинности или логичности становятся своего рода базовыми правилами, согласно которым человек адаптируется или не адаптируется к социальному и природному окружению, выстраивая определенные отношения с миром и другими людьми. Благодаря им и с их помощью личность структурирует и упорядочивает свой субъективный опыт, конструирует картину мира и собственный образ Я, определяет свое место в мире. Подчеркнем еще раз важную мысль, высказанную Г. Бейтсоном, относительно истинности и логичности эпистемологических предпосылок: «Ошибочные предпосылки все равно работают» [4, с. 444], отмечая при этом их значение и роль

в процессах функционирования психики, а также возможность смены или трансформации базовых предположений или правил в том случае, если расхождения между реальностью и эпистемологическими предпосылками начинают явно осознаваться человеком.

Способность картины мира строиться, достраиваться и перестраиваться в течение всей жизни человека отражает такие характеристики ее сетевой организации, как незавершенность и открытость. При этом картина мира как любое открытое образование стремится к динамическому равновесию и самоорганизации через прогрессивные или регрессивные изменения тех или иных составляющих. Безусловно, не все воздействия способны оказать влияние на структурные компоненты картины мира и трансформировать их, это под силу или чрезвычайно сильным событиям (критический инцидент), или двойным посланиям, или свехзначимым для личности стимулам, ситуациям, как правило, включенным в пространство личных переживаний и индивидуального опыта человека. Однако изначально при формировании картины мира значительная роль отводится социальным факторам, опосредованным культурой, социумом, ближайшим окружением индивида.

Другими характеристиками картины мира являются многомерность и детерминированность. Известно, что картина мира человека конструируется под воздействием таких объективных факторов, как культура, религия, обучение, воспитание, институты и агенты социализации. Однако трудно не согласиться с идеей К. Гергена [9] и Р. Харре [10], согласно которой мир конструируется не в индивидуальном сознании отдельной личности, а в процессах ее совместного функционирования с другими социальными акторами. Это происходит благодаря выработке общих значений, диалогов и полилогов с другими субъектами, принятым в обществе соглашениям и реализуемым социальным практикам. Кроме того, в построении картины мира велика роль субъективных факторов – индивидуально-типологических свойств и личностных предикторов, к которым можно отнести следующие: уровень развития и стиль познавательной активности, качество эмоциональных процессов, внутренняя позиция, ценностные ориентации, смыслы, установки, верования, жизненный опыт человека.

Такие характеристики картины мира, как упрощенность и схематичность указывают на то, что она как совокупность субъективно сформированных когнитивных конструкторов обобщает и схематизирует действительность. В подтверждение этому можно привести слова Г. Бейтсона, который, ссылаясь на афоризм А. Коржибского «Карта – не территория, а имя – отнюдь не именованная вещь», констатирует, что «мен-

тальная карта – это карта карт карт» [4, с. 412]. Причем на ранних этапах онтогенетического развития человека его картина мира состоит из максимально общих понятий и категорий, которые в течение жизни подвергаются селекции, редактируются, углубляются, дифференцируются, перекодируются с помощью знаковых систем и на основе опыта действия и взаимодействия личности.

Еще одной характеристикой картины мира является ее уникальность, которая свидетельствует о том, что картина мира каждого человека неповторима и эксклюзивна, поскольку представляет собой специфическую констелляцию результатов социокультурных, социально-психологических, личностных и ситуативных воздействий, под влиянием которых сформированы индивидуально-личностные перцептивные эталоны, ментальные схемы и аффективные комплексы. Вместе с тем необходимо отметить, что картины мира людей, социализирующихся в сходных исторических и социокультурных условиях, принадлежащих одной и той же группе (возрастной, семейной, поколенческой, этнической, гендерной, профессиональной), имеют общие психологические опоры и внутренние ориентиры. Именно они позволяют разным субъектам конструировать близкие по содержанию интерпретационные схемы, когнитивные карты и поведенческие сценарии, обеспечивающие сходную оптику, подобные инварианты мировосприятия, похожие или даже аналогичные формы категоризации мира, себя и других людей.

Ядерные компоненты картины мира и их характеристика

В центре нашего исследовательского интереса находятся ядерные категории: «мы – они», «свой – чужие», «я – другой», «добро – зло», «жизнь – смерть», а также синергетические связи между ними. Указанные категории не могут пониматься дизъюнктивно как однозначные дихотомии, поскольку они представляют собой слова-понятия, денотативные смыслы которых могут выступать как особые архетипы, своеобразные «понятия-знаки», являющиеся, по мнению В. С. Мухиной, смыслообразованиями, симптомокомплексами, сущностно значимыми для личности, несущими в себе архетипические значения/смыслы и формирующими отношения личности с миром, самим собой и Другими [11]. Проанализируем выделенные оценочные знаковые архетипы.

В симптомокомплексе «мы – они», глубоко укоренившемся в сознании человека, изначально заложен принцип противопоставления ингруппы и аутгруппы, основанный на внешнем отличии двух групп и внутреннем уподоблении

их представителей друг другу. Указанный принцип предполагает асимметричность оценочных категорий, разную степень их обобщенности и существенные различия в детерминации эмоциональных состояний. Как справедливо считает Б. Ф. Поршнев, психологическая категория «они» первична по своему генезису, поскольку в контексте филогенетического и онтогенетического развития формируется раньше, чем «мы», через антитезу «не они»: только осознание того, что существуют «они», рождает у человека желание обособиться от «них» и самоопределиваться как «мы» [12].

Разновидностью симптомокомплекса «мы – они» выступает дуальная категория «свой – чужой», маркирующая взаимное восприятие и взаимную оценку людей относительно друг друга. Нам импонирует точка зрения А. В. Шипилова [13], согласно которой критерием различения пар «мы – они» и «свой – чужие» выступает точка отсчета, связанная с местоположением наблюдателя. «Мы – они» как когнитивный конструкт предполагает позицию включенного, заинтересованного наблюдателя, характеризующуюся значимостью для личности той конкретной социальной группы или общности, в которую она интегрирована, приверженностью ее культурным/социальным нормам и образцам, идентификацией с нею, сформированным чувством «мы», при этом основным механизмом дифференциации становится, как уже упоминалось, механизм противопоставления. Бинарная категория «свой – чужие» имеет отношение к позиции стороннего наблюдателя, оперирующего иными оценочными смысловыми контекстами, и основывается на механизме сравнительного сопоставления. Как правило, смысловой контент категорий «мы», «свой», «не они» содержит такие характеристики, которые описывают ингруппу как правильную, хорошую, человеческую, заслуживающую доверия. В то время как содержание категорий «не-мы», «они», «враги», «чужие» наполнено архетипическими смыслами недоверия, вражды, отчуждения, беспокойства, тревоги и опасения.

Категориальный комплекс «Я – Другой» является онтологической константой человеческого бытия и становления субъектности личности в социальных взаимоотношениях, фундаментальным основанием самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке [14], условием формирования идентичности личности и ценностно-смысловой регуляции ее поведения. Существование каждого человека реализуется на границах собственного и иного миров, своего и чужого сознания, при этом все участники социальных интеракций имеют значение Другого, обусловлены Другим и важны для Другого. Если «Я» представляет собой «значимое обозначение своего присутствия в мире, непосредственно мне

данная целостность моей сущности» [11, с. 190], то Другой – это носитель бытийных смыслов и универсальных ценностей, транслирующий правила и нормы, позволяющие человеку входить в социальный мир, духовно обжитой Другими, и пользоваться его культурным капиталом. При этом Другой может выступать в качестве реального или виртуального Другого, локализованного в конкретной группе, общности или социуме, символического Другого, репрезентированного в культурных образцах и эталонах того общества, в которое интегрирована личность, персонализированного Другого как совокупности имплицитированных качеств и характеристик Другого, встроенных в интрапсихическое пространство личности [15].

Архетип «Жизнь – смерть» имманентно связан с мировоззрением человека и его духовным миром, поэтому его анализ невозможен без привлечения философского дискурса. Смерть в экзистенциальном смысле – это конечность, выход за пределы мира сущего или непрерывное присутствие человека перед лицом смерти. Как считает М. Хайдеггер, чтобы осознать себя как целостность, личность должна выйти за пределы ситуации, «забежать вперед», а осознание предстоящей личной смерти побуждает человека к переходу на более высокий модус существования [16]. Более того, если человек встретился со своей собственной смертью и осознал жизнь как возможность возможности [17], и узнал смерть как невозможность дальнейшей возможности [18], то приходит осознание того, что пока человек жив, он может что-то изменить в своей жизни. Интересна мысль М. Бланшо, согласно которой смерть для людей – самая главная надежда, их единственная надежда быть людьми. Смерть очеловечивает природу, возводит существование к бытию; она – самая человеческая, что есть в нас самих; только в мире она – смерть, человек знает о ней, потому что он – человек, и он – человек, потому что в нем происходит становление смерти [19].

По мнению Ж. Деррида, смерть составляет самый большой секрет человеческой жизни, секрет неподменяемой единственности каждого живущего и жившего, фундаментальное свидетельство не одиночества человека, его дар обретения себя [20].

Приведенные цитаты убедительно свидетельствуют о том, что столкновение со смертью представляет собой значимый контекст осмысления жизни. В то же время личностная рефлексия смерти способствует раскрытию сущности человеческой жизни, формированию не только и не столько отношения человека к самой смерти как экзистенциальному феномену, сколько его ответственного отношения к собственной жизни и способу ее проживания, требующего от индивида значительных затрат и усилий.

В рамках психологии также достаточно работ, направленных на изучение влияния на личность осознания смерти как конечности собственного бытия. З. Фрейд полагает, что в глубине души человек не верит в собственную смерть, а смерти Другого часто приписывает характер не неизбежности, а случайности. Однако при этом он констатирует, что жизнь теряет содержание и интерес, если из нее исключена наивысшая ставка – ставка жизни [21]. Аналогичную идею высказывает В. Франкл: «Если бы мы были бессмертны, жизнь не имела бы смысла, в то время как перед лицом смерти мы обязаны максимально использовать отведенное нам время» [22, с. 192]. С точки зрения Ф. Перлза, жизнь приобретает подлинный характер только после поворота лицом к смерти, а зрелость трактуется им как «переход от опоры на окружающих к опоре на самого себя» [23, с. 31]. По мнению И. Ялома, смерть представляет собой часть жизни, причем осозная это, человек обогащает собственную жизнь, начинает ценить бесчисленные данности своего существования [24].

Таким образом, можно констатировать, что интеграция понятий жизни и смерти в целостный опыт личности, принятие онтологической достоверности смерти, рефлексия конечности собственного существования выступают позитивными факторами, значимыми предпосылками и необходимыми условиями развития и роста личности, детерминантами ее самоопределения и самоактуализации. В то же время избегание рефлексии смерти, ее замалчивание или вытеснение за горизонты жизни могут приводить к утрате личностью собственного Я, актуализации беспомощности, незащитности и экзистенциального страха не только перед смертью, но и перед жизнью, порождая у личности невротическую тревогу и депрессивные состояния.

Вместе с тем необходимо дифференцировать архетип «жизнь – смерть» и смерть как событие на жизненном пути личности, которое переживается по поводу смерти другого человека как трагическое, жесткое, беспощадное, а иногда и травматическое и в то же время всегда актуализирующее осознание конечности собственного существования. Переживания личности по отношению к смерти другого человека свидетельствуют о серьезной внутренней работе, проделанной ею, способствующей формированию осмысленного отношения к жизни и смерти.

«Добро – зло» – основные нравственные категории, являющиеся аксиологическими антиподами, содержательно и смыслово не существующими друг без друга и часто не поддающимися логической дифференциации. Без рефлексии сути добра и зла человек не может адаптироваться и выжить в окружающем природном и предметном мирах, осмыслить сущность социального мира, свою роль и место в нем, выстроить взаимоотно-

шения и взаимодействия с другими социальными акторами, а также осознать такие важные императивно-ценностные, духовные категории, как честь, совесть, справедливость, мораль, нравственность.

Добро – одно из важнейших этико-смысловых понятий, которое конструируется социумом и существует в его символическом культурном пространстве. Общество создает, транслирует и задает определенную оптику различения добра – зла, требуя от каждого своего представителя постоянной ответственной работы по его пониманию и интерпретации. «Добро – зло» – универсальные базовые понятия, которые формируются личностью как субъективные оценочные категории на самых ранних этапах социализации. Это происходит благодаря агентам и институтам социализации через легитимированные образцы социальных практик, усвоение нормативов хорошего и плохого, правильного и неправильного, социально одобряемого и неодобряемого. Добро, выступая нравственным ориентиром личности, является базовой составляющей ее поведенческой и коммуникативной активности, определяя как общую жизненную стратегию личности, так и действия, решения, поступки человека в ситуациях повседневного жизненного выбора.

Изменения социальной ситуации развития современного ребенка и связей между ядерными компонентами его картины мира

В настоящее время вся система социальных отношений ребенка с окружающим миром подверглась существенным трансформациям, причины которых могут быть представлены на трех уровнях анализа:

макроуровень: глобализация, связанная с тотальным расширением / сжатием пространства и времени; неконтролируемое увеличение информационных потоков и их разнонаправленность; рост ценностно-смысловой неопределенности мира; усиление рискогенности и социальной напряженности в мире; культурная гетерогенность и мозаичность мира, визуальный и антропологический повороты в культуре;

мезоуровень: превращение Интернета в институт социализации, всеобщая доступность информации и ориентация на прирост знаний; усиление роли СМИ и социальных сетей; инверсия культурных норм;

микроуровень: изменение роли и сущности института семьи и образования; ограничение пространства детской жизнедеятельности; уменьшение значимости чувства принадлежности к конкретной группе; снижение уровня привязанности; множественность вариантов идентификации; вовлеченность в виртуальное взаимодействие; размывание границ между реальным и виртуальным мирами.

Оставим за пределами нашей рефлексии роль и влияние информационно-коммуникативной среды на психику современного ребенка, изменяющей процессы приема и категоризации информации, систему когнитивных потребностей, познание, научение, игру и присвоение культурного опыта ребенка; гибкость и открытость его смысловых структур, специфические особенности поддержания и установления коммуникационных связей и отношений. Перечисленное указывает на усиливающееся значение аудиовизуальных образов в картине мира современного ребенка, которая приобретает фрагментарный, мозаичный, «клиповый» характер и включает большое количество стереотипных представлений, конфликтных, противоречивых смыслов, а также свидетельствует о формировании особого хронотопа образа мира как «вечно длящегося настоящего» [25].

Проанализируем изменения в ядерных образованиях картины мира современного ребенка, опираясь на эмпирические данные, полученные отечественными учеными. В исследованиях В. В. Абраменковой показано, что с помощью визуализации детской картины мира возможна реконструкция культурных символов, знаков, схем как маркеров смысловых отношений ребенка к тем или иным сторонам жизни, в частности, отношения к добру и злу. Результаты масштабного исследования, проведенного в разное время и на разных возрастных группах, убедительно доказывают наличие тенденций к размыванию границ представлений о добре и зле в картине мира современных детей, существенный сдвиг их графических предпочтений в сторону привлекательности зла; отсутствие дифференциации или смешение позитивных и негативных сторон жизни, постепенное исчезновение людей из детских рисунков, репрезентирующих «добро» [26]. Об изменении отношения к добру косвенно свидетельствуют также данные, полученные С. В. Молчановым и О. В. Алмазовой. Анализируя принятие подростками ответственности при нарушении моральной нормы в дилеммах разного типа, они констатируют однозначную атрибуцию ответственности в дилеммах асоциального типа, тогда как в дилеммах просоциального типа и дилеммах конфронтующих норм подростки чаще не признают ответственность нарушителя нормы [27], что также указывает на неоднозначное отношение современного ребенка к нравственной категории «добро».

В целом можно констатировать наличие тенденции к дегуманизации отношений ребенка с Другими в обществе, обусловленной специфическими особенностями категоризации Другого и его местом в субъективной картине мира ребенка: Другой не позиционируется как онтологический посредник всех смыслообразующих

интеракций, он вытесняется за пределы картины мира, не рассматривается как источник добра и милосердия, ему не атрибутируются значимые позитивные качества. «Утраченный Другой» и потеря интересубъективности как личностного измерения Я и Другого способствует усилению эгоцентрических тенденций личности, общему снижению уровня эмпатийности, фасилитации закрытости для Другого, приводящей к искажениям самопринятия и понимания самобытности и уникальности собственного «Я», несформированности умения ставить себя на место другого человека. Все перечисленное приводит не только к трансформации картины мира, но и деформации личностного развития, его обеднению и упрощению, поскольку амплификация развития происходит благодаря сопresутствию, сопереживанию, сопричастности и соучастию Другого.

Важные изменения происходят в конструктах «свой – чужой» и «мы – они», смысловые границы понимания которых также существенно трансформируются. В целом ряде экспериментальных исследований показано, что на ранних этапах онтогенеза при решении морально-нравственных дилемм дети встают на сторону «своего», даже если он осознанно наносит вред «чужому», несправедливо отбирая тот или иной жизненный ресурс. Для более старших детей характерно в большей степени проявление справедливости по отношению к чужому [28], а для взрослых, находящихся в стрессовых условиях, также выявлен возврат или, как считают авторы, регресс к более ранним «детским» формам нравственного предпочтения, связанный с системной дедифференциацией [29].

На наш взгляд, возможно еще одно объяснение приведенного экспериментально полученного факта, которое связано с содержательным и смысловым наполнением категории «Другой» и, в частности, переопределением границ «своего» и «чужого» в категориальной системе современных детей и, соответственно, их картине мира. В приведенных исследованиях в качестве «своего» выступает человек, а в качестве «чужого» рассматриваются инопланетяне, дикие и домашние животные. Но если проанализировать современных персонажей детских мультфильмов и компьютерных игр, то к «своим» можно отнести телепузиков, смешариков, смурфиков, человека-паука, спанча Боба, Лунтика, бродягу Хобо и т. п., благодаря которым у ребенка возникают ложные идентификации с несуществующими Другими, т. е. ребенок устанавливает сходство и различие с отсутствующими прототипами, действия и поведение которых не всегда соответствуют императиву этического Другого. В результате ребенок включает их в субъективную картину мира, удваивая, умножая то, чего нет, т. е. по

сути, конструирует симулякры, не способные создать смысл Другого и целого мира Других, выступить в качестве понятийных смысловых опор, что приводит к «вакации Я», при которой модальность отсутствия становится значимой и определяющей [30].

Еще одной тенденцией, обусловленной спецификой анализируемых ядерных понятий, является танатизация детской картины мира, связанная с эстетизацией смерти, поэтизацией разрушений и деструкций. Помимо перечисленных выше персонафицированных получеловеческих персонажей и антропоморфных предметов в картине мире современного ребенка появляется достаточное количество inferнальных, монструозных и демонических существ. К ним относятся скелеты, вампиры, зомби, призраки, привидения, монстры, которые позиционируются не как злые, угрожающие и опасные сущности, актуализирующие страх, ужас и тревогу, а как непознанные и загадочные персонажи, обладающие притягательностью и мистической силой. Безусловно, многие сказки и мультфильмы имеют развивающий потенциал, помогают усваивать социальные отношения, нормы и правила, расширяют горизонты жизненного пространства ребенка, формируют способность к этическому оцениванию и четкости моральных оценок [31, 32]. Они построены на определенности положительных и отрицательных героев, антитезе «свой, хороший, добрый – иной, плохой, злой», и в них добро всегда побеждает, а зло наказуемо или осмеяно. Однако сейчас многое из происходящего на экране телевизора или монитора не приводит к закреплению причинно-следственных связей и морально-этических норм, не формирует опыт проживания той или иной ситуации, воспринимаясь не всерьез, а как игра, которую легко можно остановить, прервать и возобновить заново. Демоническое, привлекая детей и подростков своей неограниченной властью, абсолютной силой и зачарованностью, вторгается в их повседневную реальность, обесценивая и жизнь, и смерть. Интериоризируясь, демоническое оказывает влияние на проявления чрезмерной агрессивности, враждебности, жестокости по отношению к другим, приводит к ослаблению и подавлению Я, саморазрушающему, деструктивному поведению; формирует легкие отношения к смерти, бросание ей вызова и даже глумления над нею как способу борьбы со страхом смерти.

Выводы

Проведенная теоретическая рефлексия позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Применение сетевого подхода к анализу картины мира человека показало большой эвристический капитал и объяснительный потенциал

сетевой парадигмы при описании основных характеристик картины мира – многокомпонентность, отсутствие устойчивого ядра, самоорганизованность, нелинейность, синергетичность связей, полидетерминированность.

2. Ядерные компоненты картины мира: «мы – они», «свой – чужие», «я – другой», «добро – зло», «жизнь – смерть» выступают в виде знаковых оценочных архетипов, репрезентирующих общую систему универсальных значений и онтологических смыслов личности, регулирующих ее отношения с миром, самим собой и Другими.

3. Выделены основные факторы, обуславливающие изменение социальной ситуации развития современных детей, и проанализированы трансформации, происходящие в ядерных образованиях их картины мира и синергетических связях между ними, которые приводят к дегуманизации отношений ребенка с Другими в обществе, опосредованной специфическими особенностями категоризации Другого и его местом в субъективной картине мира ребенка; усилению эгоцентрических тенденций личности, общему снижению уровня эмпатийности, фасилитации закрытости от Другого; вакации, ослаблению Я, искажению самопринятия, самопонимания и танатизации картины мира, связанной с привлекательностью смерти, разрушений, деструкций и обесцениванием жизни.

4. Переопределение границ «своего» и «чужого», множественность ложных идентификаций, а также нечеткая различимость «добра» и «зла», «жизни» и «смерти» влияют на становление этического самосознания ребенка, приводят к снижению уровня моральности как качественной гарантии человечности межличностных отношений, размыванию границы признания и уважения Другого.

Библиографический список

1. Зеленкова Т. В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 18–28.
2. Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к феномену информационной социализации // Мир психологии. 2010. № 3. С. 26–34.
3. Морено Я. Л. Социометрия : экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001. 363 с.
4. Бейтсон Г. Экология разума : избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. 476 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. 232 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество, культура. М., 2000. 608 с.
7. Коллинз Р. Социология философий : глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. 1280 с.

8. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–20.
9. Gergen K. J. Realities and relationships : soundings in social construction. Cambridge, 1994. 368 p.
10. Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European Journal of Social Psychology. 1989. Vol. 19, № 5. P. 439–453.
11. Мухина В. С. Уникальный диапазон понятия «Архетип» // Развитие личности. 2014. № 4. С. 163–201.
12. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. 235 с.
13. Шитлов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М., 2008. 568 с.
14. Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Учен. зап. Пед. ин-та СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2010. № 2. С. 3–8.
15. Рязузова Е. В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» : социально-психологический анализ : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2012. 49 с.
16. Ставцев С. Н. Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000. 192 с.
17. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. 109 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. 503 с.
19. Бланио М. От Кафки к Кафке. М., 1998. 240 с.
20. Губин В. Д. Смерть – «единственная надежда быть человеком» // Homo philosophans : сб. к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб., 2002. Вып. 12. С. 303–311.
21. Фрейд З. Мы и Смерть. URL: www.6lib.ru/books/mi_i_smert_18185.html (дата обращения: 31.01.2018).
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
23. Перлз Ф. Гештальт-семинары. Гештальт-терапия дословно. М., 1998. 324 с.
24. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М., 2009. URL: <http://psychoanalysis.pro/lib.html> (дата обращения: 31.01.2018).
25. Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Королева Н. Н. Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7, № 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.shtml (дата обращения: 17.06.2017).
26. Абраменкова В. В. Добро и зло в картине мира современного ребенка // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2007. № 2 (5). С. 131–154.
27. Молчанов С. В., Алмазова О. В. Представления подростков об ответственности в моральных дилеммах разного типа // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 81–90.
28. Созинова И. М., Знаменская И. И., Александров Ю. И. Нравственное отношение к «Чужому» у детей 3–11 лет. Решение моральных дилемм : предубеждения и предпочтения // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 1. С. 44–57.
29. Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «Чужим» при стрессе : системная дедифференциация // Психол. журн. 2016. Т. 37, № 4. С. 44–58.
30. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997. 336 с.
31. Смирнова Е. О., Соколова М. В. Психолого-педагогическая экспертиза мультфильмов для детей и подростков // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 4–11.
32. Кривуля Н. Г. «Страшные» мультфильмы современной анимации // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 57–65.

Образец для цитирования:

Рязузова Е. В. Трансформация картины мира и способов категоризации Другого у современного ребенка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 3 (27). С. 228–237. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237

Transformation of Worldview and Ways of Categorization of the Other in Modern Children

Elena V. Ryazuzova

Saratov State University
83, Astrakhanskay Str., Saratov, 410012, Russia
E-mail rjaguzova@yandex.ru

The article presents the implementation of the network approach to analyzing the worldview of a person and describes its main characteristics (complexity, lack of a stable core, self-organization, nonlinearity, synergistic relationships, polydetermination). A theoretical analysis of the following nuclear formations of the worldview

is conducted: “we-they”, based on the external difference between the two groups and the internal assimilation of their representatives to each other; “friend – foe”, marking the mutual perception and mutual evaluation of people relative to each other; “I – the other” which is the ontological constant of human existence; “good – evil” as an ethical and semantic base, designed by society, requiring from each of its representatives a permanent responsible work on its understanding and interpretation; “life - death”, associated with the acceptance of the ontological reliability of death and a responsible attitude to life. It is stated that all the listed constructs act in the form of iconic archetypes, represent the general system of universal meanings and ontological meanings of personality and regulate its relations with the world, itself and the Others. It is found that the change in social situation of development of a modern

child, determined by factors of different levels, is connected with the transformations of the nuclear components of worldview and connections between them, as well as the ways of categorizing the Other, leading to the dehumanization of a child's relationship with the Others, the weakening of Ego and "tanatization" of a child's consciousness.

Key words: network paradigm, worldview, nuclear formations, iconic archetypes, the categorization of the Other.

References

1. Zelenkova T. V. O setevoy paradigme v psikhologii [About Net Paradigm in Psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 2007, vol. 2, iss. 3, pp. 18–28 (in Russian).
2. Gusel'tseva M. S. Kul'turno-analiticheskiy podkhod k fenomenu informatsionnoy sotsializatsii [Cultural-Historical Approach to Phenomenon of Informational Socialization]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2010, no. 3, pp. 26–34 (in Russian).
3. Moreno Ya. L. *Sotsiometriya: eksperimental'nyy metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry: Experimental Method and Science about Society]. Moscow, 2001. 363 p. (in Russian).
4. Beytson G. *Ekologiya razuma: Izbr. st. po antropologii, psikhologii i epistemologii* [Ecology of Sense: Selected Papers of Anthropology, Psychology and Epistemology]. Moscow, 2000. 476 p. (in Russian).
5. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as Social System]. Moscow, 2004. 232 p. (in Russian).
6. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Informational Epoch: Economy, Society, Culture]. Moscow, 2000. 608 p. (in Russian).
7. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophies: Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, 2002. 1280 p. (in Russian).
8. Petukhov V. V. Obraz mira i psikhologicheskoe izucheniye myshleniya [Image of World and Psychological Study of Thinking]. *Vestn. Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1984, no. 4, pp. 13–20 (in Russian).
9. Gergen K. J. *Realities and relationships: soundings in social construction*. Cambridge MA, 1994. 368 p.
10. Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research. *European Journal of Social Psychology*, 1989, vol. 19, no. 5, pp. 439–453.
11. Mukhina V. S. Unikal'nyy diapazon ponyatiya «Arkhetyp» [Uniquely Diapason of Essence "Archetype"]. *Razvitiye lichnosti* [Development of Personality], 2014, no. 4, pp. 163–201 (in Russian).
12. Porshnev B. F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow, 1979. 235 p. (in Russian).
13. Shipilov A. V. "Svoi", "chuzhie" i drugie [Insiders, Strangers and Others]. Moscow, 2008. 568 p. (in Russian).
14. Slobodchikov V. I. So-bytiynaya obrazovatel'naya obshchestvennost' – istochnik razvitiya i sub'ekt obrazovaniya [Co-Being Educational Community – Source of Development and Subject of Education]. *Uchen. zap. Ped. Instituta SGU im. N. G. Chernysheskogo. Ser. Psikhologiya. Pedagogika* [Academic Articles of Pedagogical Institute, Saratov State University. Ser. Psychology. Pedagogy], 2010, no. 2, pp. 3–8 (in Russian).
15. Ryaguzova E. V. *Lichnostnye reprezentatsii vzaimodeystviya «Ya – Drugoy»: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Personal Representations of "I – Other" Interaction: Social-Psychological Analysis]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Saratov, 2012. 49 p. (in Russian).
16. Stavtsev S. N. *Vvedenie v filosofiyu Khaydeggera* [Introduction into Heidegger's Philosophy]. St. Petersburg, 2000. 192 p. (in Russian).
17. K'erkegor S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow, 1993. 109 p. (in Russian).
18. Khaydegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov, 2003. 503 p. (in Russian).
19. Blansho M. *Ot Kafki k Kafke* [From Kafka toward Kafka]. Moscow, 1998. 240 p. (in Russian).
20. Gubin V. D. Smert' – «edinstvennaya nadezhda byt' chelovekom» [Death – "The Only Hope to Be Human"]. *Homo philosophans: sb. k 60-letiyu professora K. A. Sergeeva* [Homo philosophans. Collection to prof. K. A. Sergeev's 60th birthday]. St. Petersburg, 2002, iss. 12, pp. 303–311 (in Russian).
21. Freyd Z. *My i smert'* (We and Death). Available at: www.6lib.ru/books/mi_i_smert_18185.html (accessed 31 January 2018) (in Russian).
22. Frankl I. *Chelovek v poiskakh smysla* [Person at Will of Meaning]. Moscow, 1990. 368 p. (in Russian).
23. Perlz F. *Geshalt'-seminary. Geshalt'-terapiya doslovnno* [Gestalt-Seminars. Gestalt-Therapy Literally]. Moscow, 1998. 324 p. (in Russian).
24. Yalom I. *Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn' bez strakha smerti* (Peering at Sun. Life without Fear of Death). Moscow, 2009. Available at: <http://psychoanalysis.pro/lib.html> (accessed 31 January 2018) (in Russian).
25. Bogdanovskaya I. M., Ikonnikova G. Yu., Koroleva N. N. Rol' sovremennoy informatsionno-kommunikativnoy sredy v formirovaniy identichnosti i obraza mira sovremennykh podrostkov (Role of Modern Informative and Communicative Environment in Formation of Modern Adolescents' Identity and World Image). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* (Psychological Science and Education), 2015, vol. 7, no. 1. Available at: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.phtml (accessed 17 June 2017) (in Russian).
26. Abramenkova V. V. Dobro i zlo v kartine mira sovremenogo rebenka [Good and Evil in Modern Child's World Picture]. *Vestn. Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanit. un-ta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Ser. IV. Pedagogy. Psychology], 2007, no. 2 (5), pp. 131–154 (in Russian).
27. Molchanov S. V., Almazova O. V. Predstavleniya podrostkov ob otvetstvennosti v moral'nykh dilemmakh raznogo tipa [Adolescents' Presents of Responsibility at Moral

- Dilemmas of Different Kinds]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 81–90 (in Russian).
28. Sozinova I. M., Znamenskaya I. I., Aleksandrov Yu. I. Nравственное отношение к «Чужому» у детей 3–11 лет. Решение моральных дилемм: предубеждения и предпочтения [Moral Relation to Stranger by 3–11-year-old Children. Solving Moral Dilemmas: Prejudices and Preferences]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 44–57 (in Russian).
29. Znamenskaya I. I., Markov A. V., Bakhchina A. V., Aleksandrov Yu. I. Otnoshenie k «Chuzhim» pri stresse: sistemnaya dedifferentsiatsiya [Relation to Strangers during Stress: System De-Differentiation]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 4, pp. 44–58 (in Russian).
30. Batay Zh. *Vnutrenniy opyt* [Inner Experience]. St. Petersburg, 1997. 336 p. (in Russian).
31. Smirnova E. O., Sokolova M. V. Psikhologo-pedagogicheskaya ekspertiza mul'tfil'mov dlya detey i podrostkov [Psychological and Pedagogical Expertise of Cartoons for Children and Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2014, vol. 10, no. 4, pp. 4–11 (in Russian).
32. Krivulya N. G. «Strashnye» mul'tfil'my sovremennoy animatsii [Frightful Cartoons of Modern Animation]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2014, vol. 10, no. 4, pp. 57–65 (in Russian).

Cite this article as:

Ryaguzova E. V. Transformation of Worldview and Ways of Categorization the Other in a Modern Children. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 3 (27), pp. 228–237 (in Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237
